

РОМАН ШОРИН

НЕТ
СЛОВ

философия
коммуникативной
паузы

Роман Шорин

**Нет слов. Философия
коммуникативной паузы**

«Издательские решения»

Шорин Р.

Нет слов. Философия коммуникативной паузы / Р. Шорин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-694464-0

Новая книга Романа Шорина о том, что именно делает живое живым и почему мы лишь притворяемся, будто нам есть, что сказать. Это опыты честного философствования, в которых мысль и слово набирают силу, чтобы явить подчас свое бессилие. Да, так бывает. Собранные под обложкой очерки создают симфонический эффект, задающий общее смысловое поле. Автор мыслит страстно, он лично вовлечен в то, о чем пишет, и... это передается. Для всех, кто примеряет философскую проблематику к своей собственной жизни.

ISBN 978-5-00-694464-0

© Шорин Р.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
О чем эта книга. Быстрая навигация	7
Проблема предисловия к философской книге	12
Что делать?	16
Исключительно для себя	20
Холодность Бога	22
Неужели	25
Как говорить, чтобы вас слушали	27
Она все продолжается	30
За рамками интеллектуальной активности	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Нет слов Философия коммуникативной паузы

Роман Шорин

© Роман Шорин, 2026

ISBN 978-5-0069-4464-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Издатели настоятельно советовали мне написать книгу с четкой структурой. Например, такую, где мысль развивается от главы к главе, ведет читателя от одного понимания к другому, от частных выводов – к общим, обеспечивая устойчивый прирост знания.

Попробовал. Не получилось. Точнее, получилось, только написанное я решил оставить при себе. Вместо него публикую другое: то, что лично мне было бы гораздо комфортнее читать.

Друзья, вам правда нужен философский текст, похожий на книгу о том, как правильно сушить грибы, или на научную монографию? Не верю.

Заряженное, авторское философствование неминуемо содержит в себе долю риска и не очень-то соответствует линейным форматам, позитивистским и прогрессистским шаблонам изложения. К тому же внешне структурированные сочинения – в большинстве случаев не более чем замаскированные произвол и хаос.

Вполне в духе давних философских традиций я составил сборник самостоятельных очерков или эссе. И он представляет собой не разрозненные тексты, накопившиеся за энное количество лет: под обложкой собрано то, что писалось параллельно и одним – пусть и продлившимся целый год – порывом. Опубликовать все это вместе, разом – именно таков и был замысел.

Философические зарисовки и сюжеты, которыми я решил поделиться, не укладываются в последовательность, зато прекрасно дополняют и оттеняют друг друга, а главное – наглядно знакомят с тем ракурсом, с которого мне выпало философствовать. По сути, они являются разными заходами примерно к одному и тому же, поэтому если какой-то из них окажется читателю не близок, значит, подойдет другой.

Никто же не требует от поэтов сочинять только поэмы, а от музыкантов – только симфонии. Привычным порядком выходят сборники стихов или музыкальные альбомы, состоящие из отдельных песен, которые не надо как-то нарочно подгонять друг к другу. Вот и философам позвольте писать без нарочитости, тем более что философский текст вполне может быть произведением искусства.

Приращения знания точно не обещаю. Более того, вынужден предупредить, что при чтении может возникать ощущение, что теперь вы знаете значительно меньше, чем знали до этого. Да и само знание как ценность может слегка пошатнуться.

«У читателя нон-фикшен литературы должно быть ощущение, что по мере чтения он обогащается, укрепляет свои позиции в мире, получает те или иные преимущества», – добавляли специалисты по издательскому делу. К сожалению, мне не близок этот настрой на пользу, за которым стоят интересы выживания. Я мог бы напомнить, что существуют также интересы жизни, но лучше прикушу язык. В том числе по причинам, изложенным уже в первом из представленных здесь очерков («Проблема предисловия к философской книге»).

К структурным достоинствам: книжка сделана так, что ее можно читать с любого места, пролистывать то, что не отзывается. Для удобства далее будет предложена навигация по сборнику. В начале каждого эссе дана ключевая идея. Ну а в конце вас ждет практикум.

Добавим сюда, что при всей своей приверженности к вольным упражнениям в философии я тот еще зануда в плане строгости мысли, в том числе формально логической. Другой мой пункт – писать понятным и внятным языком, без терминологических утяжелений, то есть примерно так, как человек объясняет что-то самому себе. В общем, свобода формы в моем случае подразумевает повышенные требования к содержанию.

Все, достаточно оправданий. Тем более что их и не требовалось. Довольно также маркетинга. Ведь где маркетинг и где философия?

О чем эта книга. Быстрая навигация

Как уже было заявлено, книгу можно читать с любого места. Подборка кратких выдержек из каждого эссе поможет сориентироваться и даст беглое предварительное представление, о чем вообще этот сборник.

Если вас заинтересовал тот или иной отрывок, вы легко перейдете к тексту, из которого он взят (оглавление в помощь).

Что требует от человека крайней собранности, точнее, тотального присутствия? Нет, не вождение автомобиля или что-то подобное. Полнота присутствия требуется для... самоотдачи.

Так, мы на сто процентов зрячи лишь тогда, когда мы зрячи к кому-то или чему-то самому по себе, то есть вне корреляции со своими делами и заботами. Мы предельно чутки к чему-то или кому-то, когда мы внимаем ему самозабвенно.

«Сосредоточенная рассредоточенность»

Это не просто я, локализованный, иду на работу или с работы. Это еще и нелокализуемая жизнь, никуда и ниоткуда не идя, пребывает-в-себе. Причем по своей значимости второе из событий перевешивает и даже затмевает первое.

«Жизнь, происходящая нами»

Бог, чье существование подтверждено наружным наблюдением, будет Богом, находящимся снаружи. Если его существование доказано с помощью доводов внешнего порядка, он тоже располагается там – вовне. Бог, выведенный научно, будет Богом навязанным, с которым придется считаться насильно.

«Наука и Бог»

Природный смысл птичьих трелей не мешает им, попав в наше сознание, прирастать там своим слушателем, «распускаться» там безразрывным бытием, замещающим собой слушание кем-то чего-то. Они не столько привлекают наше внимание, сколько завладевают им.

«Разновидности звуков»

То, что не решает никакой внешней задачи и при этом наличествует, наличествует настолько просто и ненарочито, настолько непринужденно и легко, что надделение его смыслом, пусть даже внутренним, будет усложнением и отягощением.

«Неважность важности»

Есть только одна возможность выдерживать тревожность в другом человеке, и связана она не с чем иным, как со способностью выдерживать тревожность в себе самом. Другой – не такой уж и другой.

«Воробы»

В идеале человеку быть бы по большей части включенным в бытие как в завершенное-в-себе единство. В тех или иных его ситуативных преломлениях. Например, в единство одного живого существа с другим живым существом; в единство летнего ливня и того, кто слушает его шум; в единство дела и делателя; в единство убеждения и поступка.

«Есть контакт – нет контакта»

С нами не случилось бы опытов отстранения или невовлечения, не будь того, отстраняться от чего и невозможно, и ненужно. Возможность нашего отстранения от чего-либо напрямую связана с возможностью того, от чего мы не отстроимся ни при каком раскладе.

«Отстранение в любовь»

Нам предлагают внести в отношения со своим любимым человеком небольшое новшество: время от времени интересоваться его внутренними состояниями, например, что он чувствует сейчас или что он чувствовал, находясь на работе. Позвольте, но если мы до сих пор нашего любимого человека ни о чем таком не спрашивали, является ли он человеком, которого мы любим?

«Что ты чувствуешь, дорогая?»

Наша душа – это все, в чем есть завершенность и неисчерпаемость; все, в чем есть самодостаточность и самооценочность; все, в чем есть полнота и цельность. Именно в этом смысле наша душа бессмертна.

«Душа, вынесенная вовне»

Быть можно только внутри бытия. Причем быть внутри бытия неким обособленным образом значит быть не вполне внутри бытия. Ведь если я пусть и окружен бытием, но обособлен от него, я скорее снаружи бытия, нежели внутри его.

«Понимание, не понимающее само себя»

«Посвяти себя красоте, потому что красота – это самоцель». В таком призыве самоцельность превращается во внешний статус красоты. И получается, что человека призывают посвящать себя красоте во имя ее внешнего статуса, притом надуманного. Ведь самоцельность красоты состоит, в частности, в том, что никакого внешнего статуса у нее нет.

«Правила жизни»

«Эта книга ничего вам не даст. Но вы станете чище душой».

Отличный способ презентовать чистоту души в качестве чего-то вроде новой белой снежной рубашки. И, конечно же, нам захочется чистого, белого, свежего. Чистого всегда хочется. Говорите, чистая душа? Тот же подходит, тот же хочу.

«Проблема предисловия к философской книге»

Листья колышутся на ветру, и в этом колыпании нет ничего, напрямую с нами связанного, напрямую на нас влияющего. Оно происходит как бы безотносительно к нам, поэтому мы обращаемся к нему своим вниманием не ради себя – ради него же. А то, к чему обращаются ради него же, тотчас вовлекает в себя. В результате колыпанье листы на ветру начинает происходить везде как исполненное полноты бытие.

«Все суеишься»

«У меня нарушена связь с бытием». Понять такое возможно исключительно в качестве проблемы внешнего порядка. И принятие мер по решению этой проблемы будет, в свою очередь, не чем иным, как суеиной на внешнем контуре, к бытию никакого отношения не имеющей.

«Что делать?»

Птица и окружающий ее мир не состоят друг с другом в отношениях и коммуникациях. Больше того, у птицы вообще нет окружающего мира, как и у мира нет птицы, которую он окружает. Птица не заканчивается с последним перышком на ее крыле. И мир не заканчивается там, где начинается птичье оперение.

«Стимул и реакция»

«Правду говорить легко и приятно». Философски это заявление, сделанное не в самых легких и приятных для откровенности обстоятельствах, можно трактовать в том плане, что за правдой стоит не что иное, как сама реальность, а лучше сказать – сама жизнь. Сама жизнь в ее бескрайности и потому непоколебимости.

«Подвиг»

Мыслительный процесс запускается по поводу относительного, в то время как базовая реальность представлена безотносительным. А оно не дает никакой пищи для сравнений, оценок, выводов и прочих умозаключений, в нем или про него совершенно нечего понимать.

«Неужели»

Философские интуиции от их не-проговаривания не только не теряют, но даже приобретают. Приобретают возможность стать больше-нежели-темой-для-беседы и больше-нежели-промысленным.

«Философы на прогулке»

Мы заявляем, что у нас нет слов, когда закончились далеко не только слова – когда наблюдаемое оказалось тем, что продлило себя в своем наблюдателе, разбило перегородку, отделяющую объект от субъекта, вследствие чего они вступили в реакцию соединения.

«Нет слов»

«Оратор не мямлил, не торопился, делал паузы, и потому его внимательно слушали». Это чересчур поверхностный, а потому ущербный вывод. Оратора лучше слушали в силу его внутренней уравновешенности. Другими словами, его лучше слушали по той же причине, по какой он не мямлил, не торопился и делал паузы.

«Как говорить, чтобы вас слушали»

Быть «я» и быть озабоченным отделением своего от чужого, чужого от своего, заниматься контролем своих границ и отстаиванием своих интересов – одно и то же. Уберите все эти заботы – уберется и «я».

«Навязанное „я“»

«Жизнь все продолжается», – говорит поэт. И я рискну добавить за него: жизнь продолжается в том числе и во мне, жизнь продолжается в том числе и мною. Жизнь все продолжается, поэтому у меня не получится стать ее субъектом, стать ее писателем. Мне некуда от нее открепиться, поскольку «она все продолжается».

«Она все продолжается»

Только тот мир будет действительно целым или цельным миром, который уже никому не показывается, ни перед кем не раскрывается. И в нашем «обнаружении» такого мира собственно нахождения, распознавания кем-то чего-то будет ничтожно мало. А чего будет много? Нашего с таким миром совмещения.

«Живые существа»

Когда говорится про невозможность оторвать взгляд, имеется в виду невозможность рассоединиться. Ненаглядное не то чтобы держит в сцепке с собой – оно с собой единит, срращивает. Не насмотреться на него не можешь – не можешь найти линию отреза между ним и собой.

«Заглядеться и заслушаться»

Вопросом «что есть я?» главным образом спрашивается: «Что есть я для окружающего мира?». Равным образом вопросом «что есть окружающий мир?» спрашивается не более чем: «Что есть окружающий мир для или относительно меня?».

«Выяснять отношения»

Смотря или слушая просто так, человек настраивается на просто-так-сущее или просто-так-бытие, которое тут же раскрывается – никуда и никому – как единое и единственное, не знающее предела, все собой объемлющее и все с собой единящее, в том числе того, кто на него настроился.

«За рамками интеллектуальной активности»

«Для себя» может звучать и трактоваться как «для своей пользы». Однако это не так. Все, что предпринимается ради извлечения пользы, предпринимается по необходимости, которая всегда есть необходимость внешняя.

«Исключительно для себя»

Оказаться на своем месте значит оказаться вне мест, ведь свое место – это такое место, которое позволяет подключиться к бытию. А бытие безместно – хотя бы в силу своей нелокализуемости. Оно не находится внутри чего-то большего и потому не допускает той внешней области, откуда оно предстало бы местом, местоположением, местонахождением.

«Еще раз о смысле жизни»

Едва вы указываете на бесполезное как на имеющее все же некую высшую пригодность, вы сразу же будите в себе монстра, хищного до пользы и выгоды. «Ненужное – вот что нужно нам более всего». После таких слов на ненужное начинается самая настоящая охота. Еще бы, ведь ненужное подано не просто нужным, а самым нужным.

«Высшая бесполезность»

Люди часто делают что-то ради внешней оценки, например ради расположения других людей, от этого никуда не деться. Другое дело, когда мы ищем расположения Бога. Мы догадываемся, что показное его не интересует, и вовсю стараемся сделать вид, будто действуем не напоказ, а это вдвойне отвратительно.

«Холодность Бога»

Львиная доля наших размышлений – это поиски ответа на вопрос «как бы не страдать?» или, без максимализма, «как бы страдать поменьше?».

«Свободная голова»

Нельзя навостриться находить жизнь во всем, открывать красоту повсюду. Это не вопрос нашей активности. Мы не прилагали никакого труда, когда что-то, обратившись жизнью, заставило нас к этой жизни примкнуть. Мы не прилагали никакого труда, когда что-то, пресуществившись красотой, заставило нас остолбенеть.

«Оттенки снега»

Проблема предисловия к философской книге

Все хотят стать лучше, благороднее, добрее, честнее, сердечнее. Все и никто.

Человек, у которого появилась заинтересованность в том, чтобы измениться, неизбежно ориентирован на прикладную сторону этого изменения. Однако, руководствуясь соображениями прагматики, мы в состоянии обеспечить в себе не более чем косметические перемены.

Я написал книгу, где изложил мысли философского и околофилософского характера, и мне необходимо хоть как-то ее представить, презентовать. Проблема в том, что книга не обслуживает наши адаптационно-приспособительные и выживательные потребности.

Другими словами, она не содержит ничего полезного, прагматически значимого. Она не помогает читателю преуспеть, чему-то научиться, расширить кругозор, обогатиться новыми знаниями. Она не способствует решению насущных и даже второстепенных вопросов, увеличению ловкости и эффективности, облегчению жизни в целом или в частностях.

Даже такой подвид утилитарного, как развлечение – и тот останется голодным, неудовлетворенным, прочитай кто-нибудь мою книгу. Да-да, то, что нас развлекает, тем самым приносит нам пользу. Нам нужно периодически развлекаться; это, другими словами, наша потребность.

Как правило, автор или его представитель, чтобы привлечь внимание к представляемому произведению, апеллирует именно к полезности, пусть и взятой в самом широком смысле. Прозвучавшая оговорка позволяет сделать более радикальное заявление. Любой автор или его представитель будет апеллировать к полезности, дабы вызвать к произведению интерес. Кстати, в широком смысле полезно практически все: даже, казалось бы, ненужное знание или ненужный навык могут при случае сгодиться. Правда, даже такого в моей книге нет.

Если хочешь заинтересовать своей или чужой книгой, предъяви ее прикладное значение. Возможны ли какие-нибудь исключения из этого правила или закона? Вопрос не праздный, ведь в своей книге я позволил себе роскошь пофилософствовать, а роскошь потому и роскошь, что она – ни для чего, что в ней нет прагматики.

Выставляя что-то полезным, мы попутно выставляем его служебным, обслуживающим, прислуживающим, то есть заведомо предъявляем его той стороне человека, что занята выживанием и адаптацией. А ей явно не до философии. (Нашу выживающую субличность может заинтересовать разве что философия прикладная, существующая, скажу по секрету, главным образом для того, чтобы с нее кормились, и возможная во многом благодаря удалению из нее стержневого философского нерва.)

Первая из подвернувшихся моему ищущему взору лазеек была столь заманчивой, что я чуть не поддался соблазну к ней прибегнуть. Я решил было написать так: «Читатель, буду честен: моя книга ничего тебе не даст. Но ведь должно же быть в твоей жизни не-прикладное и не-утилитарное!»

Обратим внимание на слово «должно», чтобы увидеть, как лазейка превращается в капкан. Едва мы указали человеку, что нечто должно присутствовать в его жизни или что нечто ему нужно и для него важно, мы представили ему... очередную полезность. «В вашей жизни должно быть место для не-прикладного». А раз должно, значит, надо сделать так, чтобы оно ко мне прикладывалось. «Ваша жизнь будет неполной, если в ней не будет прелести ненужного и непрактичного, если в ней все будет сводиться к пользе». Сказав это, вы превратили

ненужное в свою противоположность, ведь кого устроит неполная, неполноценная жизнь? Нет, хотим жить полной жизнью, а раз для этого требуется ненужное и раз в ненужном есть прелесть, подайте его нам.

«Можно окружить себя горой полезного, но оставаться несчастливым. Зато всего одна какая-нибудь бесполезность способна внести в жизнь интригу и радость». Перед нами уже откровенное формирование самого что ни на есть корыстного интереса. А корыстный интерес – это интерес к тому, каково нечто для меня. Корыстный интерес к не-утилитарному – это интерес к утилитарной стороне не-утилитарного, которой, по идее, у не-утилитарного быть не должно.

Нельзя заинтересовать не-утилитарным иначе, нежели приданием ему внешней ценности. Однако как только не-утилитарное обретает внешнюю, прагматическую ценность (в наших глазах), оно перестает быть не-утилитарным и превращается в утилитарное, просто несколько необычного свойства.

Идея второго обходного пути пришла мне в голову следующим образом. Я напомнил себе, что мое сочинение не имеет прикладного характера в том смысле, в каком что-нибудь, допустим, ничего не дает человеку, зато меняет, трансформирует его. «Тому вам, кто вы есть сейчас, моя книга ничего не прибавит. Зато она позволит актуализироваться лучшей версии вас». Заметим, что союз «зато» уже звучит как прибавка-бонус, создавая соответствующий настрой.

Но это так, между прочим. Важнее другое: культура, в которой мы взращены, действительно допускает интерес к тому, чтобы стать лучше, перемениться к лучшему. Однако этот интерес имеет свою специфику, которая упускается. Когда кому-либо предлагают озаботиться изменением в лучшую сторону, ему предлагают для начала визуализировать свою более совершенную версию. Другими словами, предлагают взглянуть на нее со стороны. Ну, а когда смотришь на что-то со стороны, волей-неволей воспринимаешь его сторонние (относительные) смыслы и только.

Человек, у которого появилась заинтересованность в том, чтобы измениться, неизбежно ориентирован на внешние проявления этого изменения. И навряд ли кто-то будет спорить с тем, что, испытывая интерес к сугубо наружной, прикладной стороне изменения, измениться невозможно. Руководствуясь соображениями прагматики, мы в состоянии обеспечить в себе не более чем косметические перемены.

Все хотят стать лучше, благороднее, добрее, честнее, сердечнее. Все и никто. Ведь какого рода соображения порождают желание измениться, преобразиться, трансформироваться? «Это же похвально – меняться, расти над собой». «Изменюсь – и все поразятся». «Стану другим, более гармоничным человеком – и появится, за что себя уважать». Беда всех этих мотиваций в том, что они проходят мимо собственного, имманентного смысла изменения.

Трансформация предполагает внутреннее вовлечение, никакие сторонние доводы здесь не работают и работать не могут. Трансформация всегда происходит – если и когда происходит – непочему. Сама собой. И это – непреодолимое препятствие для стремления к изменению, ведь для стремления нужна причина, обоснование. «Я стремлюсь к изменению потому-то и для того-то». Однако «потому-то» и «для того-то» внутреннее изменение как раз и не происходит.

Желание обязательно связано с тем или иным расчетом, с той или иной корыстью. Не получится захотеть измениться просто так, не барыша и навара ради. А ведь речь не просто о перемене прически – о преображении, то есть о том, что затрагивает всего человека. Преображение не только ничего нам не дает – оно нас у нас забирает, оно меняет нас на другого или другое. Утверждая, что «моя книга будет способствовать вашему изменению к лучшему», я стану настраивать читателя на извлечение пользы. А пользу мы всегда извлекаем в пользу того, кем являемся на данный момент – не в пользу себя, взятого в перспективе.

Всякое «хочу измениться» или «тебе надо измениться» связано с акцентированием на внешних аспектах изменения. И когда один человек предлагает измениться другому, он неминуемо предлагает ему остаться как есть, просто слегка подновить фасад. Получается предложение с обратным подтекстом, и я не хочу делать такого рода предложений, анонсируя свою книгу. Да и нет, если честно, в моей книге того трансформирующего потенциала, о котором стоило бы заводить речь, то есть, простите, о котором стоило бы умолчать. По крайней мере, меня самого она особо не преобразила.

Можно, конечно, сделать рассматриваемый заход максимально скромным: «Моя книга ничего вам не даст. Но вы станете чуточку лучше». Однако сразу чувствуется, как за «вы станете чуточку лучше» таится «а вот это уже сулит немалые дивиденды».

«Эта книга ничего вам не даст. Но вы станете чище душой». Отличный способ предъявить чистоту души в качестве чего-то вроде новой белоснежной рубашки. И конечно же, нам захочется чистого, белого, свежего. Чистого всегда хочется. Говорите, чистая душа? Тоже подходит, тоже хочу.

«Эта книга не принесет вам ничего в материальном плане. Но она много чего вам принесет в плане духовном». Единственное, что достигается такой уловкой, это материализация духовного, точнее, перелицовка духовного на манер материального. Подобного рода подделок или подделок в культурно-мотивационном пространстве предостаточно. Взять хотя бы выражения «духовные богатства», «духовные блага» или «духовные потребности».

Наконец, расскажу про последний соблазн, с которым я тоже столкнулся и который заключается в том, чтобы презентовать свое непрагматическое, околофилософское сочинение так: «Эта книга ничего вам не даст. Зато она приобщит вас к чему-то большему, нежели ваше обособленное существование».

В чем проблема с такого рода посылом? Во-первых, если читатель к нему прислушается, то он станет ждать – ждать момента, когда по мере чтения книги начнется его приобщение к чему-то большему. «Я уже приобщаюсь к чему-то большему или еще нет?» – будет он спрашивать сам себя, прочтя очередную страницу. Понятное дело, что при таком контроле никакого размыкания своего обособленного существования не произойдет. При такой концентрации на себе никто «к чему-то большему» не приобщится. К тому же, если есть кому констатировать, что «да, кажется, началось мое приобщение к чему-то большему», значит, можно быть уверенным на сто процентов, что человеку только мнится, будто бы он к чему-то приобщается или с чем-то срашивается (срастается).

Во-вторых, на обещание приобщить нас к чему-то большему, нежели мы сами, неплохо откликаются наши устремления адаптироваться-выжить. Так, люди собираются в группы, а животные – в стаи, ведь риски, будучи рассредоточенными среди множества индивидов, довлеют над каждым отдельным индивидом меньше, чем в случае, когда в зоне опасности находится только он один. «К чему-то большему» будет звучать в данном случае как «к чему-то более крупному», «к чему-то более надежному», «к чему-то более основательному».

Основательному, разумеется, с практической точки зрения. Из прагматики мы примыкаем к какому-нибудь коллективу, позволяя ему пользоваться нами и иметь на нас виды. Позволяя с тем расчетом, что и нам от пребывания в коллективе тоже будет какая-то польза. Коллектив – нечто более основательное, нежели один человек, но, примкнув к нему, сохраняешь свои собственные интересы, продолжаешь их блюсти.

То, к чему мы подчас приобщаемся до неразделимости и без какой-либо задней мысли, тоже можно назвать основательным. Вот только это уже другая основательность – онтологическая, бытийная, и отзываемся мы на такого рода основательность без какого-либо выживательного расчета. Мы себя в данном случае буквально уступаем, и эта самоуступка не имеет ничего общего с извлечением выгоды и погоней за пользой.

Приобщение к тому, то отменяет нашу обособленность, происходит ненамеренно, без предварительного к тому интереса. Предварительный интерес может быть лишь к вовлечению во что-то большее в качестве обособленной и стерегущей эту свою обособленность единицы.

Кстати сказать, то, к чему мы порой приобщаемся вопреки своим намерениям, решениям и ожиданиям (или по ту сторону своих намерений, решений и ожиданий), является не просто «чем-то ббольшим», а вообще безграничным. И казалось бы, можно просто слегка поправить изначальный сигнал: «Прочтите эту книгу, и она приобщит вас к бесконечному». Однако и в таком скорректированном виде он будет восприниматься как призыв извлечь пользу. Приобщение к бесконечному предстанет перед нами чем-то вроде выгодной сделки, а само бесконечное заиграет оттенками внешнего могущества, доминирования, всевластия и так далее в этом роде. Хотя у бесконечного, по идее, вообще нет внешней стороны.

К тому же никакой нормальной автор не будет никогда утверждать, что, дескать, мое сочинение приобщит вас к бесконечному. И дело здесь не только в чувстве меры. Критик, представляющий публике чужую книгу, тоже воздержится от такого рода утверждений. Тем более в том случае, если презентуемая книга приобщила, действительно приобщила к бесконечному его самого. Ведь он как никто осознает... нет, не осознает – скорее, имеет не нуждающееся в мысленном оформлении предзнание, что ни бесконечное, ни приобщение к нему не могут быть объектами внешнего интереса. В свою очередь, если прочитанная критиком книга лично его к бесконечному не приобщила, как он может обещать, что означенная метаморфоза произойдет с вами, если не жульничая?

Ну, и совсем уж напоследок, не книги, конечно, приобщают к бесконечному. И не что-то им подобное. К бесконечному приобщает только оно же – бесконечное.

Итак, я решительно не знаю, каким образом презентовать свою книгу. Похоже, она непрезентабельна, в связи с чем возникает роковой вопрос: если автору нечего сказать публике о своем произведении, надо ли являть ей само это произведение?

Что делать?

Внутренняя трансформация, равно как и разрешение внутренней коллизии, случается – если случается – отнюдь не путем постановки проблемы и целенаправленных действий по ее решению.

С собой заведомо не может быть внешних отношений, и когда кто-то себя оценивает и судит, то лишь кажется, будто он – и там, и там, на обеих сторонах оценивания. На самом деле, ни там, ни там его нет.

Чернышевский был далеко не первым, кто задался этим вопросом. К примеру, один из четырех знаменитых вопросов Канта звучит схожим образом: «Что я должен делать?».

Асимметричный, а значит, действительно философский ответ на данный вопрос дал в свое время Василий Розанов: «Как что делать: если это лето – чистить ягоды и варить варенье; если зима – пить с этим вареньем чай». Лично мне такой ответ импонирует еще и по той причине, что он хорошо ложится в тот контекст, который я задам ниже.

Начну с того, где вообще возможно действовать. Мы можем действовать во внешнем мире. Мы можем производить действия над тем, что находится во внешнем мире. И результат наших действий появляется там же – во внешнем мире.

Казалось бы, никчемное уточнение. Да, конечно, действия производятся во внешней по отношению к действителю среде – где же еще? У меня на это есть встречное замечание: а почему же тогда целый спектр призывов к действию связан с тем, что находится не вовне, а внутри?

Если бы дело ограничилось только указаниями вроде следующих! «Чтобы произвести хорошее впечатление на собеседовании, надень костюм и рубашку с галстуком». «Чтобы не было под вечер запашка из подмышечной зоны, пользуйся дезодорантом». «Чтобы не промокнуть под дождем, захвати с собой зонт».

Увы, культурный слой нашей жизни пестрит также указаниями на действия, которые надо предпринять, чтобы «перестать беспокоиться и начать жить», «прогнать хандру и сплин», «победить свои страхи», «привнести в жизнь смысл», «стать более открытым и эмпатичным», «научиться любить», «реагировать на все спокойнее» и т. д. и т. п.

И ладно бы, если такие указания давали люди, не занимающие высоких позиций в иерархии человеческой мудрости. По-видимому, вопрос «что делать?» выглядит настолько непререкаемым, что даже те, кто, казалось бы, обращен своим вниманием к *сущностному*, постоянно предлагают наборы тех или иных действий. «Какой совет вы дали бы людям в связи с тем, что в их жизни этой самой жизни крайне мало?» Как только какому-нибудь признанному интеллектуалу задается подобного рода вопрос, я всегда внутренне замираю, преисполнившись напрасной надеждой. Напрасной, поскольку интеллектуал всякий раз начинает излагать свои рекомендации, то есть предлагать ту или иную внешнюю активность по исправлению ситуации. Активность, напомню, только внешняя и бывает.

Мы не видим разницы между проблемой появления под вечер запаха пота и проблемой, связанной с тем, что человек слишком много беспокоится, и в результате, не успевает жить. А потому верим, что раз первая проблема может быть решена определенными действиями, то и вторая – тоже.

Для того чтобы скрыть или временно побороть запах выделяемого в течение дня пота, требуется предпринять ряд мер косметически-гигиенического характера. Помыться как сле-

дует утром, воспользоваться дезодорантом-антиперспирантом, надеть чистую, не ношеную со времени последней стирки одежду, желательно не синтетическую.

Получается, что примерно то же самое требуется и для того, чтобы стать более открытым к окружающему миру и другим живым существам. А именно: предпринять ряд внешних активностей. Ведь, как мы уже определились, активничать можно исключительно там – во внешнем мире. Здесь и возникает противоречие.

Моя закрытость или открытость находится не во внешнем мире. Во внешнем мире могут наличествовать разве что проявления моей открытости или закрытости. Вот их, наверное, можно скорректировать теми или иными действиями. К примеру, сделать так, чтобы моя закрытость не бросалась другим людям в глаза. Однако с самой моей закрытостью при этом ничего не произойдет.

Когда указывают кому-то, что он слишком много беспокоится и слишком мало живет, либо когда человек сам себе на это указывает, он уже, что называется, волей-неволей начинает воспринимать обозначенную проблему как наружную и относиться к ней так, будто посредством определенного набора действий чисто наружного характера ее можно «разрулить». Это я уже приближаюсь к тому, что сама проблематизация является вынесением вовне – вынесением вовне того, что проблематизируется. И что проблемы внутреннего характера скорее изобретаются, нежели действительно обнаруживаются.

Рука об руку с побуждением к действию и с раздачей советов идет призыв понять. В высокоинтеллектуальной среде он даже более распространен. «Поймите же! – часто взывают к аудитории или к собеседнику. – Ну, поймите же, наконец!» Здесь тоже уместно начать с начала – с того, что такое понимание.

Понимание – это овладение информацией относительно внешних явлений, уяснение внешних фактов. Фактов, перед которыми можно расположиться, обозреть их с разных сторон, сопоставить с другими фактами. Факты и явления, кстати сказать, только внешними и бывают.

Соответственно, если мы призываем кого-то понять, что негоже выходить зимой из дома без шапки, то все нормально – из понимания факта, что в отрицательные температуры окружающего воздуха человеческое тело необходимо утеплять, вполне может последовать соответствующее поведение.

В свою очередь, если мы скажем кому-то: «Пойми, что ты эгоист, пойми, что тебе надо быть добрее и сердечнее», – мы предъявим ему наличие у него эгоизма и отсутствие у него доброты с сердечностью так, как будто это – внешние факты. И усвоит он полученную информацию примерно так же, как усваивают те или иные внешние сведения. Ну, а поскольку ни эгоизм, ни сердечность внешними фактами не являются, такого рода усвоение ни на что не повлияет и ни к чему не приведет. Всякий раз, когда призывают понять что-то, относящееся к сфере *внутреннего*, призывают к псевдопониманию.

«У современного человека нарушена связь с бытием», – заявляет авторитетный мыслитель с трибуны. И ему сразу летят записочки от слушателей, где разными почерками зафиксирован один и тот же вопрос: «Что же нам, современным людям, делать?». Оратор, похоже, только этого и ждал. Он делает паузу, как бы предвкушая удовольствие – удовольствие указать курс, дать направление, изложить инструкцию, поделиться алгоритмом действий...

«У меня нарушена связь с бытием». Понять такое возможно исключительно в качестве проблемы внешнего порядка. Ну а принятие мер по решению этой проблемы будет, в свою очередь, не чем иным, как суечением на внешнем контуре, к бытию никакого отношения не имеющим.

Признаться, после всего изложенного лично передо мной вопрос Чернышевского и Канта звучал еще настойчивей. Если мы не можем воспринимать проблемы иначе, как находящиеся вовне и если наша активность, направленная на изменения, направлена лишь на изменения декоративного характера, то как же тогда быть с тем огромным ворохом внутренних проблем

и задач, которые накопились и продолжают накапливаться? Что делать, если в своей деятельности мы к ним даже не подступаемся и наши усилия по их решению – профанация?

Предложу свой вариант ответа. Внутренняя трансформация, равно как и разрешение внутренней коллизии, случается – если случается – принципиально иначе, нежели путем постановки проблемы и целенаправленных действий по ее решению.

Этим можно было бы и ограничиться, однако рискну и выдвину куда более радикальное предположение. Не потому ли мы воспринимаем любое затруднение как внешнее, что затруднения только внешними и бывают? Возможно, мы не в состоянии решать проблемы и задачи внутреннего характера по той причине, что... их нет, они отсутствуют. Нет никаких внутренних проблем и задач, внутренних вызовов и затруднений.

«Как же нет? А, например, упомянутая выше нарушенная связь с бытием? Вот уж действительно бич современного человека. Или, скажем, кто-нибудь в какой-то момент вдруг с ужасом прозревает, что он, оказывается, махровый эгоист. Это что, не проблема?»

Выскажусь именно по упомянутым двум кейсам и завершу на этом свои пассажи.

Констатируется, что у современного человека, то есть практически у каждого из нас, нарушена связь с бытием. При всей убедительности этого диагноза в нем, похоже, имеются погрешности. Какая им рисуется картина? Дескать, вот человек, вот бытие и вот соединяющая их трубочка, в которой образовался засор. Засор – подыграю – в виде того, кто придерживается такого рода представлений.

Ведь, если уж философствовать, бытие как принципиально *не-внешнее* – больше, нежели источник или питательная среда. Бытие – это, по сути, единственное, что есть, соответственно, в связке, в коммуникации с ним быть некому и нечему. Впрочем, даже если согласиться с нарисованной схемой, проблема сообщаемости человека с бытием будет лишь с одной стороны проблемой человека. С другой стороны это будет проблема бытия.

В самом деле, вот бытие, основа всего сущего, которое, как лежащее в основе, то есть основное, представляет собой то, что в основном и есть. А вот маленькая закупорка между огромным, фактически бесконечным и априори всепроникающим, все собой пронизывающим бытием и одним из человеческих существ. Кому/чему одолевать эту закупорку в первую голову, как не бытию? Ведь именно его всепроникаемость ставится под сомнение прежде всего. Неужели бытие не в силах эту препону снести? Не может такого быть!

Нет, проблема нарушенной связи человека с бытием – не просто проблема, стоящая не только перед человеком, но и перед бытием. Это главным образом проблема бытия, а не человека.

Теперь про обнаружение кем-то себя как махрового эгоиста. Если соприкоснуться со своим эгоизмом без отчуждения от него – он изживется, он не выдержит такой открытости, не совладает с ней. А вот кто ужаснулся своему себялюбию, отшатнувшись от него, кто его выявил, экстериоризировал и держит теперь в прицеле дистанцированного взгляда, тот сам – себялюбец. Почему? Потому что себя бережет, обособляет. А еще тот эгоизм, который он наблюдает и которому ужасается, есть эгоизм вымышленный, причем вымышлен (натужно, вымученно создан мыслью) он именно для того, чтобы эгоизм реальный продолжался и продолжался.

Внутренних проблем нет в том смысле, что даже если они есть, но их не овнешняют, не входят с ними в отношения «констатирующий – констатируемое», то, не овнешняясь, они разрешаются сами собой, сгорают в этом огне неотчуждения, и их больше нет уже не только в том смысле, что их не овнешняют, но и в том, что овнешнять тут нечего.

С собой заведомо не может быть внешних отношений, и когда кто-то себя оценивает и судит, то лишь кажется, будто он – и там, и там, на обеих сторонах оценивания. На самом деле ни там, ни там его нет. Что до перспективы наблюдать внутренние изъяны в других, то, вообще-то, видеть внутренний недуг в своем собрате равносильно самому заражаться им. Дру-

гой, в сущности, не такой уж другой, поэтому право или основание смотреть на него со стороны тоже довольно условно. (Как говорил социалист Юлий Мартов, будем вместе с пролетариатом, даже если он неправ.)

Сказанное даже отдаленно не является рекомендацией – например, рекомендацией не овнешнять внутренние проблемы, не вступать с ними в отношения объекта и субъекта. С другой стороны, любопытно было бы понаблюдать, как такому совету последуют, ведь в рамках целенаправленной активности не овнешнять можно лишь предварительно овнешненное, то есть заведомо не то, что овнешнению не подлежит.

Да и потом, пока кто-то – эгоист, он обнаруживает себя как эгоиста разве что так: ему сообщает о его эгоизме авторитетное лицо либо собственная рефлексия после, допустим, прочтения морализаторских книжек. Обнаружить же свой эгоизм по-настоящему, то есть не с чужих слов и не из формальных критериев, вряд ли получится. Ведь реально разделиться с ним можно лишь в силу захваченности тем, что эгоизм ничтожит. Соответственно, человек оказывается разделенным с ничем, разделенным с тем, чего нет, то есть ни с чем не разделенным. То, что его в хорошем смысле захватило или вовлекло в себя, таково, что человек не видит, не ведает иного ему – не ведает иного тому, во что он вовлекся. Потому он в него и вовлекся, что оно оказалось всем, что есть; оказалось тем, что ни от чего себя не обособляет. Даже от эгоиста – впрочем, где он?

Короче говоря, с проблемой своего эгоизма как с реальностью никто никогда не сталкивается. «Что мне с этим делать?» – спрашивают лишь про какие-то внешние обстоятельства либо про те или иные домыслы. И кстати, если всерьез и надолго задуматься: «Что мне с этим делать?» – в связи с внешними обстоятельствами, они, по мере обрастания нашими о них думами, тоже превратятся в домысел, читай: в надуманную проблему.

Что делать? Нет ответа. Ведь если это вопрос про приспособление и выживание, то участвовать в такого рода коммуникации попросту скучно. Если же он про нечто большее, то резоны промолчать только возрастают. Нельзя же посоветовать ближнему сделать приложением своих усилий не только выживание, но и жизнь (или не столько выживание, сколько жизнь). Ведь когда мы прилагаем усилия, когда мы занимаемся целенаправленной активностью – мы занимаемся выживанием и только.

Исключительно для себя

Имеется связь между тем, чем мы интересуемся для себя, и тем, что интересно само по себе.

Интересуясь чем-то для себя, мы интересуемся им так, как если бы мы были свободны, то есть как если бы самим нам ничего не было нужно. А когда нам нет нужды испытывать к чему-либо интерес, но мы его все же испытываем, тогда то, к чему мы его испытываем, интересно само по себе.

Что-то мы делаем по работе или для работы, что-то – ради обеспечения своего быта, что-то – для здоровья и долголетия, что-то – для уважения и признания в социуме и т. д. От всего этого я бы отделил то, что мы делаем для себя. О нем и поговорим.

Сразу внесу небольшое уточнение. Не просто «для себя», но «только для себя», «исключительно для себя». Ведь остальные из наших дел имеют, если можно так выразиться, двойной статус. Делая что-то для работы, мы в то же время делаем это для себя, поскольку за работу нам платят деньги. Делая что-то ради общества, мы делаем это и для себя тоже, ведь отсутствие к нам претензий со стороны социума – в наших интересах.

С другой стороны, деньги нам нужны тоже в силу внешней необходимости. Мы зарабатываем их вынужденно, то есть не по своему произволу. Мы имеем в деньгах нужду, а нужда есть нечто навязанное. И чтобы социум не имел к нам претензий – это тоже не наше заветное желание, а обязанность. Даже выживанием мы занимаемся не для себя, и если бы не было такой необходимости, мы бы им не занимались.

«Для себя» может звучать и трактоваться как «для своей пользы». Однако это не так. Все, что предпринимается ради извлечения пользы, предпринимается по необходимости, которая всегда есть необходимость внешняя.

В общем, уточнение вполне можно отменить: «для себя» и «только для себя» – это в целом одно и то же.

Итак, среди всей нашей активности особняком стоит активность «для себя» или «исключительно для себя». «Зачем ты это делаешь?» – «Не из-за какой-то внешней надобности, чисто для себя». «Зачем ты этим заинтересовался?» – «Без какой-либо сторонней цели. Так, исключительно для себя». И здесь обнаруживается неочевидная на первый взгляд связь.

Я имею в виду связь между тем, чем мы интересуемся для себя, и тем, что интересно само по себе. В самом деле, интересуясь чем-то «чисто для себя», мы парадоксальным образом интересуемся им так, как если бы мы были свободны, как если бы для себя нам ничего было не нужно. Когда нам нет нужды испытывать к чему-либо интерес, но мы его все же испытываем, тогда то, к чему мы его испытываем, интересно (нам) само по себе. Интересное само по себе – вот чем мы интересуемся, когда наш интерес не обусловлен теми или иными потребностями, нуждами либо другого рода необходимостями (внешнего характера).

«Для себя» в заданном контексте совпадает с «просто так». «Зачем ты этим занимаешься?» – «Низачем, просто так». «Просто так», равно как и «для себя», означает «не для выгоды», «без корысти». И когда в нашем занятии нет корысти, мы предаемся этому занятию ради него же или ради того, чему оно посвящено. То, к чему мы влекомы «только для себя», то есть влекомы свободно и бескорыстно, отвлекает нас от себя.

Если человек внимает какой-то гармонии ради нее же, между ним и гармонией в этот момент нет преграды. Преградой могли бы стать корыстные виды на гармонию, однако их нет. А в то, с чем тебя ничто не разделает, вовлекаешься. К тому же, как взятая сама по себе,

гармония предстает целым – в смысле единственным – миром, то есть уже ничем ни перед кем не предстает. Как единственное и ничем другим, кладущим ей предел, не окруженное, гармония и в этом смысле вовлекает внимающего ей человека в себя (я сейчас описываю мир сознания или метафизики).

Когда мы свободны и занимаемся чем-то или интересуемся чем-то «только для себя», мы пропадаем. Пропадаем в том, чем занялись или заинтересовались без корысти и с чем таким образом сплываем. Как правило, о бескорыстии говорят в контексте этики, в контексте поступков, затрагивающих других людей или вообще живых существ. Однако интерес, внимание и не связанные напрямую с межлюдскими отношениями практики тоже могут быть самозабвенными, и, как оказывается, любая активность, к которой нет (внешнего) принуждения, есть активность самозабвенная, а свобода есть не что иное, как свобода от самого себя.

Вот так слова «для себя» по смыслу превращаются в слова «не для себя». Делать что-то или интересоваться чем-то для себя означает делать что-то или интересоваться чем-то, про себя забыв. Собственно, на сей парадокс я и хотел обратить внимание, поэтому заметка закончена.

Напоследок – ссылка на классика в лице Шопенгауэра: «Мы совершаем свое дело ради него самого и для самих себя». Под «мы», как можно догадаться, понимаются философы. Но ведь сказанное относится не только и столько к философам, не так ли?

Холодность Бога

Захваченность чем-то самим по себе в принципе не предполагает никакого третейского судьи, никакого зрителя, даже такого зрителя, как Бог.

Бог скорее проявляется в самой этой захваченности, а не в качестве того, кому она мила и приятна, кто одобрительно кивает, глядя на нашу вовлеченность во что-то большее. Бог и есть то, что захватывает нас само по себе, заставляя забыть о внешнем мире вместе с располагающимися там зрителями, болельщиками и прочей публикой.

Почему к Богу обращают столько слов, столько ради него стараются, а он в ответ молчит? Это вообще нормально с его стороны? Наверняка кому-то такое молчание может показаться обидным и даже жестоким. И не только может, но и кажется.

Для примера я возьму строчки из песни одного популярного коллектива, где от лица женщины идет обращение к Богу. В припеве, в частности, есть такие слова:

*Я пыталась сделать все,
Чтоб ты на меня взглянул,
Но твой взгляд холодный, будто нож,
Насквозь меня проткнул.*

Из изначальной установки лирической героини следует, где, по ее мнению, Богу самое место – во внешнем пространстве, в одном из сегментов поля, разделенного на «там» и «здесь». Ведь она занималась не чем иным, как попытками привлечь к себе внимание. Привлечь к себе внимание с помощью внешних демонстраций.

Что мы предпринимаем для того, чтобы на нас взглянули? Как правило, привносим нечто экстраординарное в свою внешность, в свои отражения. Заодно предполагая, что адресат наших посланий смотрит на нас со стороны и там же – на стороне – обитает. А также что он, примерно как и мы, представляет собой обособленное существование или экзистенцию, что он подобен нам – нам, тщеславно жаждущим внимания со стороны Другого в тщетной надежде согреться теплом чужого внимания и почувствовать себя значимыми.

Однако действительно ли Богу подобает обитать на стороне? И что в нем будет такого – специфического, если он будет всего лишь очередным Другим (писаться с большой буквы явно не заслуживающим, но приходится отдавать дань моде), которых и так пруд пруди вокруг нас?

Бог, от которого ждут внешнего внимания, явно есть нечто иное, нежели Бог, в котором чувствуется окончательная реальность, полнота бытия, живая, неформальная истина – в общем, все то, от чего нельзя (немыслимо) держаться в стороне и с чем тянет соединиться. Бог как то, с чем совпадаешь в самом сокровенном, Бог как тот, перед кем не надо притворяться, перестает быть явлением или сущностью родом из внешнего мира. В таком Боге важна не внешняя сторона, а внутреннее содержание. Еще и в этом смысле его нет в наружном пространстве.

Внутреннее содержание или просто *внутреннее* не может быть объектом внешнего интереса или внимания. Впрочем, внутреннего интереса к *внутреннему* не может быть тоже. Ведь обратиться к *внутреннему* – даже неважно, чье это *внутреннее*, лишь бы оно было – значит сразу туда, внутрь, интегрироваться, одновременно интегрировав то, во что интегрировался, внутрь себя.

Собственно, это и делает Бога Богом – то, что от него не закрыться, не дистанцироваться, не отмахнуться, не отстраниться. Если Бог чувствуется, то он чувствуется как повсеместный, не имеющий предела, а с тем, что беспредельно, не состоят в отношениях, не соседствуют, не дружат, не заигрывают. Беспредельное – это попутно то, что одно только и есть. Также беспредельное не знает иного себе, то есть, в частности, не знает нас как инаковых ему, то есть, в частности, имеет в нас доступ. Мы для него проницаемы, соответственно, ему нет надобности располагаться перед нами, как располагается перед нами тот, для кого мы закрыты своей оболочкой и кто пытается по внешним признакам определить, что у нас на уме или в душе.

Увы, но моменты, когда Бог нами чувствуется (то есть, правильной говоря, когда мы общаемся к этой беспредельности), как правило, кратковременны. По их прошествии наши память, ум и культура создают вымышленного Бога, чье внимание и признание мы пытаемся завоевать. На словах мы при этом готовы признать его необъятность и полноту, и все же он воспринимается нами как иной или как иное, ограниченное как минимум нашим присутствием.

Женщина, от лица которой исполняется песня, обращена туда, где Бога нет, потому что ему там не место, потому что ему туда не вместиться. Женщина ориентирована вовне – как будто Бог есть что-то, извне данное, внеположное. И она делала какие-то демонстративные действия, то есть действия, рассчитанные на внешний эффект, чтобы ее заметили, чтобы на нее взглянули, чтобы на нее отреагировали. Она производила внешнее, чтобы в ответ получить тоже внешнее – какую-то ответную реакцию.

Делая все, чтобы Бог на нее взглянул, женщина, выходит, не была искренней и натуральной. Что называется, делала вид. Предпринимала одно, а подразумевала другое. Примерно так, как подчиненный при появлении начальника почти инстинктивно начинает работать с преувеличенным усердием. Или примерно так, как мы делаем заинтересованное лицо, когда слушаем рассказы какого-нибудь старика, хотя нам совсем не интересно, просто к пожилым людям принято проявлять уважение. Получается, женщина рассчитывала, что Бог будет реагировать на такого рода уловки и манипуляции. «Да за кого вы Бога принимаете!» – можно было бы ей возразить, вот только за кого бы кто Бога ни принимал, он будет принимать его за сущность, которая в любом случае обитает вовне.

Когда действуешь в расчете на внешний эффект от своего действия, действие само по себе становится второстепенным, тогда как Богу, по идее, важнее, чтобы сосредоточенность была именно на поступке или на непосредственном результате этого поступка. «Бог не Тимошка, видит немножко», то есть видит все, в том числе то, что ему пускают пыль в глаза. С Богом в такие игры не играют, однако это напрочь забывается, едва он начинает восприниматься в качестве внешнего зрителя или жюри. С другой стороны, с Богом не играют ни в какие игры.

Люди часто делают что-то ради внешней оценки, например ради расположения других людей, от этого никуда не деться. Другое дело, когда мы ищем расположения Бога. Мы догадываемся, что показное его не интересует, и всюю стараемся сделать вид, будто действуем не напоказ, а это вдвойне отвратительно. Проявлять интерес к правде или делать доброе дело с явным расчетом на похвалу – в чем-то неизбежная наша слабость. Однако непотребство лишь умножается, когда наличие расчета отрицается и симулируется интерес к истине ради истины же, изображается забота о живом существе, как если бы он важен сам по себе. Кстати, то, что Богу ведомы наши истинные помыслы и что показное для него неважно, лишний раз подтверждает его ненаружное местоположение.

Если человека волнует, как оценят его праведность или бескорыстие со стороны, то он занимается даже не лицедейством, а лицемерием. Рассчитывать при этом на отзывчивость того, кто читает в наших сердцах... Саморазоблачение расчетливости как таковой, не иначе. «Я пыталась сделать все, чтоб ты на меня взглянул», – как раз тот случай.

И, кстати, ошибка здесь еще глубже – в самом допущении, будто наша захваченность чем-то самим по себе может кем-то приветствоваться. Захваченность чем-то самим по себе в принципе не предполагает никакого третейского судьи, никакого зрителя, даже такого зрителя, как Бог. Бог скорее проявляется в самой этой захваченности, а не в качестве того, кому она мила и приятна, кто одобрительно кивает, глядя на нашу вовлеченность во что-то большее. Бог и есть то, что захватывает нас само по себе, заставляя забыть о внешнем мире вместе с располагающимися там зрителями, болельщиками и прочей публикой. В этом смысле сделать Богу приятное, порадовать его заведомо не получится: раз, захватываясь чем-то самим по себе, именно Богом и захватываются, следовательно, уж кто-кто, а он точно не в стороне от происходящего.

Лирическая героиня песни, ставшей толчком для создания настоящего этюда, обращаясь к Богу, обращалась туда, где Богу не место, и, не получив в ответ на свои демонстрации никакой реакции, в итоге восприняла дело так, будто оттуда, где, по ее мнению, должен находиться Бог, веет холодом безразличия, и этот ледяной холод буквально пронзает женщину как лезвие ножа. Печальная история.

С другой стороны, она не лишена комизма, однако вот вам куда более курьезный сюжет. Представьте, как вы, сидя в кресле, читаете философа, который убеждает вас, что Бог есть как неиное, как открытое и что мы ему открыты тоже, поэтому неправильно воспринимать его как обитающего вовне. «Ах да, действительно», – соглашаетесь вы... Уже начали смеяться? Надеюсь, не только над философом, ведь именно смех над собой, как считается, обладает очищающей, трансформирующей силой. Только смех не отстраненный, не опосредованный, не имеющий ничего общего с высмеиванием, то есть с тем, чем только что занимался я.

Неужели

Философия – это любовь к мудрости.

Хорошо, но в чем же заключается мудрость? В том, чтобы не думать.

Напомню притчу, имеющую несколько версий, но общую суть.

Старик поймал в степи коня, привел его в свою деревню и стал строить для него стойло. Собрались соседи, восклицая: «Вот же удача!» «Неужели?» – отвечал старик.

Через несколько дней конь сбежал, разрушив возведенную постройку. Соседи и тут заявили, выражая сочувствие. «Какая неприятность!» – сказал кто-то. «Неужели?» – отвечал старик.

Через несколько дней конь вернулся, да не один – привел с собой еще пару лошадей. «Прекрасная новость!» – поздравил старика кто-то из жителей деревни. «Неужели?» – отвечал старик.

Как-то раз сын старика, объезжая одну из лошадей, которыми недавно пополнилось хозяйство этой семьи, упал и сломал ногу. «Беда! Беда!» – причитала сердобольная соседка, на что старик, как читатель уже догадался, отреагировал все тем же «неужели».

Вскоре началась война, в деревню пришли рекрутировать солдат, забрали всех здоровых юношей. Не взяли только хромого сына старика. По всей деревне стоит плач. Повстречавшаяся старику на улице соседка бросила ему в лицо: «Везет же некоторым!» «Неужели?» – проворчал старик и пошел дальше.

Конца у притчи нет, поэтому можно переходить к ее обсуждению, а именно попробовать ответить на вопрос: что стоит за неизменным «неужели» героя притчи?

Конечно, объяснений может быть много, как много и оптик, сквозь которые можно взглянуть на эту ситуацию. Я сосредоточусь лишь на одной из них.

Разница между стариком и остальными жителями деревни состоит в том, что последние спешат делать выводы, выносить оценки, генерировать трактовки и интерпретации. Другими словами, спешат раздумывать по возникшему поводу. Старик же, в свою очередь, не торопится окунаться в этот омут. В омут разгоняющегося мыслительного процесса. И лучше даже выразиться иначе: старик вообще не склонен в него окунаться.

Самое интересное, что в этом проявляется его мудрость. Ведь нельзя не признать, что он мудр. В сравнении со своими односельчанами во всяком случае. Выходит, мудрость состоит в том, чтобы не думать.

Чтобы нарушить оторопелость читателя от моего заявления, напомню знаменитую формулу Спинозы: «Не плакать, не смеяться, но понимать». Она мне тоже в свое время очень нравилась. Пока я не заметил, что есть непосредственные плач и смех, а есть опосредованные плач и смех, равно как опосредованные печаль и радость, горевание и торжество, ликование и отчаяние etc. Предлагаю непосредственные, или спонтанные, смех и плач пока отставить в сторону. Тогда получится, что положительным, равно как и отрицательным, эмоциям предшествует соответствующий вывод, умозаключение, соображение, суждение или, одним словом, понимание. Я что-то соответствующее понял, и вот я плачу. Или смеюсь.

После того как мы поняли, что все, например, плохо или что все, например, хорошо, нам уже не сдержаться. Понимание – это трактовка, а трактовка – это оценка. Оценка дает пищу

для эмоционалирования. Стало быть, для того, чтобы не плакать и не смеяться, уместнее заодно и не понимать.

Мне скажут, что старик, отказываясь трактовать происходящее и давать ему оценку, тем не менее что-то да понимал. К примеру, понимал, что все относительно. Потому и отвечал на поздравления и сочувствия одинаково.

Я с этим не согласен. Ведь – готов держать пари – если бы кто-нибудь подошел к старику и заявил: «Все относительно», пожилой человек и на это ответил бы своим коронным встречным вопросом: «Неужели?».

К тому же «все относительно» – половинчатый, поверхностный вывод. Когда происходит удача и неудача, победа и поражение, везение и невезение, то главным образом происходит нечто большее, чем что-либо из этих пар. И оно-то как раз безотносительно. Свободно от того, чтобы с чем-то сопоставляться, и всегда равно себе (не переворачивается, меняя плюс на минус).

«Вот это старик и понял – что мыслительный процесс запускается по поводу *относительного*. А оно имеет место скорее в виде кажимости. В свою очередь, базовая или основная реальность представлена *безотносительным*, которое не дает никакой пищи для сравнений, оценок, выводов и прочих умозаключений, в котором или про которое совершенно нечего понимать».

Глубокий контрдовод, однако, перечитав его вторично, в сухом остатке получаем следующее: старик понял, что есть такое, про что не надо ничего понимать, причем оно в основном и есть. Пожалуй, это еще не совсем сухой остаток. Выжмем еще раз: старик понял, что понимать нечего.

Кому-то, вероятно, такая формулировка вовсе не режет слух. Поэтому заострю внимание вот на чем: если имеется возможность для понимания, что понимать нечего, значит, понимать есть что. То, в чем нечего понимать, не является объектом или феноменом, взглянув на который, можно сделать вывод, что понимать здесь нечего. Потому и нечего здесь понимать, что здесь ничего нет. Точнее, что здесь нет «чего-то» – какой-то предметности, явленности, конкретности, выделенности, выпуклости, сгущенности и прочей феноменальности.

Про *безотносительное* понимать нечего – оно вообще не может быть уловлено внешним образом, то есть в качестве уже упомянутых объекта или феномена. Каким же образом оно может быть ведомо? Таким, что им проникаются. Это, конечно, вовсе не соответствует значению слова «ведать», однако по-другому, пожалуй, и не скажешь. Так или иначе, старик из притчи скорее проникся, преисполнился *безотносительным*, нежели понял про него что-то.

Пословица «На всякого мудреца довольно простоты», ставшая названием комедии Островского, подразумевает, что нельзя быть умным во всем, что даже умный человек совершает ошибки. Однако в этой крылатой фразе мудрость и простота совершенно напрасно разведены в разные стороны. Мы же убедились, что можно стать мудрее не через понимание – через преисполнение. И что мудрым ответом на реплики и комментарии окружающих будут не глубокомысленные выкладки, а простое, фактически необдуманное, даже в чем-то наивное «неужели?».

А теперь, под занавес, предлагаю сопоставить два утверждения. Первое звучит так: философия – это любовь к мудрости. Второе: мудрость заключается в том, чтобы не думать.

Как говорить, чтобы вас слушали

Плохому оратору можно было бы дать следующую рекомендацию: хочешь, чтобы твоя речь была ровной, добейся внутренней уравновешенности. Однако не будем прибегать к столь печальному приему учителей и наставников последнего времени.

Это же вопиющая профанация, когда к первичному (в нашем случае – к внутренней уравновешенности) устремляются ради вторичного (ровной речи). Или когда базовое, основное оказывается привлекательным в силу своих второстепенных, внешних аспектов.

У меня есть знакомый, которого интересно и приятно слушать. И не только мне. Другие люди тоже слушают его охотно и даже просят его высказаться, если он помалкивает. Он, кстати, не большой любитель ораторствовать, но если все-таки начнет рассказывать какую-то историю или отстаивать какую-то точку зрения, то внимаешь его речи не без удовольствия.

Несколько слов об этом моем знакомом как человеке. Он довольно спокоен, уравновешен. Его не так-то просто заставить суетиться, торопиться. Даже срочное дело он будет делать размеренно. В нем нет напряжения, во всяком случае, излишнего. Еще мой знакомый обладает тем, что называют чувством собственного достоинства. Скажем, ему совершенно не свойственно лебезить, угождать. При этом необидчив, на критику в свой адрес обычно реагирует легкой улыбкой и долгим, как будто удивленно-сочувственным взглядом в глаза критикующего. От чужих мнений защищен, как мне представляется, какой-то внутренней причастностью к чему-то более незыблемому, чем сторонние оценки и пересуды. Достаточно снисходителен к ошибкам и слабостям окружающих.

Пожалуй, на этом можно завершить описание моего знакомого как человека и вернуться к нему как к рассказчику. И здесь я должен констатировать, что когда он излагает свои истории или соображения, то как будто соблюдает все те рекомендации, которые изложены в многочисленных книгах на тему «как говорить так, чтобы вас слушали» или «как выступать успешно».

К примеру, он не мнетя, не теребит пуговицу пиджака, принимает открытые позы, не скрещивает ни руки, ни ноги и свободно, естественно жестикулирует, говорит в умеренном темпе без слов-паразитов и звуков вроде «э-э-э» и «м-м-м», правильно интонирует, не проглатывает слова и не комкает фразы, не мямлит, сохраняет ровное дыхание. Что еще? Еще он поддерживает зрительный контакт с аудиторией, отзывается на ее реакции, не чурается делать паузы, не растекается мыслью по древу и не уходит далеко в сторону от темы, хотя может и пошутить при случае, соблюдает логику повествования или аргументации, избегает монотонности.

При этом мой знакомый не читал книг, авторы которых учат ораторскому мастерству, искусству сторителлинга, навыкам публичных выступлений, правилам ведения диалога и т. п. Почему же, выступая в роли рассказчика, он ведет себя так, как будто он с такими книгами знаком? Хотя, лучше сформулировать вопрос иначе: почему, высказываясь перед публикой, он почти неукоснительно следует тщательно разработанным и постоянно обновляемым правилам произнесения спичей?

За ответом далеко идти не придется. То, как мой знакомый выступает, неразрывно связано с тем, каков он есть. Какой он человек, такой он и спикер, оратор, рассказчик.

Он уравновешен, и речь у него тоже ровная. Он нетороплив, а следовательно, не забывает привести все необходимые аргументы. Он собран, так что повествование у него выходит

цельное, крепко сбитое. Он не напряжен, поэтому ему удается удачно пошутить, сымпровизировать. В нем есть внутреннее достоинство, соответственно, у него нет проблем с артикуляцией и дикцией, он уверенно интонирует, не боится делать паузы. Ему не нужны аплодисменты, поэтому он остается самим собой, даже попав в перекрестье взглядов. Он ведет себя раскованно, и потому язык его тела подкрепляет звучащие слова. Его взгляд свободно гуляет по окружающим лицам, поскольку он может позволить себе роскошь наблюдать за теми, кто наблюдает за ним.

Назовем то, как мой знакомый ораторствует, следствием или побочным эффектом того, каков он есть (на самом деле, здесь одно следует из другого настолько органично, что никакого разрыва между «одним» и «другим» нет, а значит, нет и деления на причину и следствие). Скажем, ровная речь – побочный продукт внутренней уравновешенности. Отдельно его не получить. Отдельного продукта «ровная речь» не существует. Существует лишь внутренняя уравновешенность. Ровная же речь существует лишь «постольку поскольку», это несамостоятельный феномен, производное от чего-то большего.

Можно было бы составить следующую рекомендацию: хочешь, чтобы твоя речь была ровной, добейся внутренней уравновешенности. Однако не будем прибегать к столь печальному приему учителей и наставников последнего времени (последних пары-тройки тысячелетий). Во-первых, это же вопиющая профанация, когда к первичному (в нашем случае – к внутренней уравновешенности) устремляются ради вторичного (ровной речи). Или, другими словами, когда базовое, основное оказывается привлекательным в силу своих второстепенных, внешних аспектов. Во-вторых, неслучайно в словосочетании «внутренняя уравновешенность» имеется прилагательное «внутренняя». Стремясь к чему-то, добиваясь чего-то, мы неизбежно добиваемся его как находящегося снаружи. Однако внутренней уравновешенности там – снаружи – нет.

Желая того, в чем внутреннее важнее внешнего, мы, в силу природы желания, желаем его ради внешнего, то есть ставим во главу угла не то, что следовало бы. Желая внутренней уравновешенности, мы желаем ею обладать, мы желаем что-то от нее получить, в общем, мы не желаем ею преисполниться. Желание преисполниться чем-либо есть нонсенс еще и вот по какой причине: если человеку ведомо то, чем можно было бы захотеть преисполниться, – значит, он уже может им преисполняться, минуя фазу желания. Если же оно человеку неизвестно – он желает не его, а тех дивидендов, которые с него якобы можно получить.

Теперь несколько слов о многочисленных книгах (а также лекциях, подкастах, статьях) на тему «как говорить так, чтобы вас слушали», «как удерживать внимание аудитории», «как стать интересным рассказчиком», «как покорять публику», «как убеждать людей словом». Кстати, сфера ораторского искусства – лишь пример, и читатель, я надеюсь, об этом догадается.

Для кого написаны упомянутые книги, кому адресованы содержащиеся в них обильные советы и рекомендации? Впрочем, начнем с того, кому они не адресованы точно. Они не адресованы моему знакомому и ему подобным. В самом деле, зачем, например, рекомендовать ему не тараторить, а говорить ровно – он и ему подобные и так будут говорить ровно. В силу своей внутренней уравновешенности.

Стало быть, вышеупомянутые книги предназначены для неуравновешенных, суетливых, беспокоящихся, напряженных людей, которые, в силу отсутствия общности с незыблемым и фундаментальным, зависимы от чужих мнений, уязвимы для едких замечаний и крайне чувствительны к малейшей критике.

Это им рекомендуется внедрить в свое публичное поведение перечень элементов, которые возможны как побочный продукт или частное проявление чего-то большего. Это им рекомендуется говорить размеренно и твердо, как будто размеренность и твердость речи суще-

ствуют сами по себе, а не как продолжение внутренней уравновешенности и причастности к незыблемому.

Человеку спокойному и уравновешенному совершенно естественно «делать паузы в словах». Поэтому он, скорей всего, вообще пропустит мимо ушей подобного рода советы. Возможно, он им удивится, как удивляются тавтологиям и прочей нелепости, но не более того. Прислушается же к ним тот, для кого воззвание «давайте делать паузы в словах» прозвучит как нечто новенькое. Торопыга. И его внимание к этому возванию будет проявлением его неадекватности, в частности, проявлением отсутствия у него внутреннего баланса или заземления, то есть контакта-сообщения со всегда равной себе, неизменной основой сущего. По сути, подкидывать ему одну за другой такого рода рекомендации значит подкреплять его неадекватность. То же самое касается радостного открывателя всего того, чему в норме или в идеале подобает быть само собой разумеющимся: чем больше открытий он делает, тем больше он погружается в искусственный, выдуманный мир.

Ущербностью страдают уже сами наблюдения вроде «выступающий делал паузы, не торопился и потому его лучше слушали». Не потому его лучше слушали. Это всего лишь внешнее выражение того, почему его лучше слушали. Его лучше слушали по той же причине, почему он не торопился и делал паузы.

Стоит упомянуть, что помимо советов и рекомендаций, заостряющих внимание на само собой разумеющемся для всякого адекватного человека, существуют еще приемы и уловки, с помощью которых можно обмануть не только других, но и себя. Скажем, создать видимость спокойствия и даже действительно ситуативно успокоиться. Как-то раз мне поведали о таком методе: за пару часов до публичного выступления нужно выпить литр и даже больше воды, чтобы возникшее затем желание опорожнить мочевой пузырь вытеснило бы волнение перед аудиторией на второй план. Возможно, это и работает, но вот что важнее: все «работающие» методики – примерно из этого же разряда, если не сказать пошиба.

Наружной активностью, активностью на поверхности – а мы как актеры только на нее и способны – можно залатать лишь столь же наружные и поверхностные прорехи. Соответственно тысячи книг, посвященные такой вот наружной активности, лишний раз подтверждают нашу чрезмерную заикленность на внешнем слое чего бы то ни было, даже будь это наша собственная жизнь и наша собственная смерть. Надо признать, что указанная заикленность более чем закономерна, потому как нет никакой возможности перенести наши усилия вглубь, сделать сферой их приложения трансформации внутреннего порядка.

Она все продолжается

Чтобы произвести дефиницию чего-либо, мы сперва его исчерпываем – проходим от начала и до конца, вдоль и поперек (если не ногами, то техникой или мыслью).

До тех пор, пока исчерпания не произошло, мы не в состоянии вынести вердикт, ответить на сакраментальный вопрос: «что это?».

Что есть жизнь, как ее определить? Формулировок и мнений множество, однако предлагаю обратиться к реплике, принадлежащей поэту Роберту Фросту:

In three words I can sum up everything I've learned about life: it goes on.

(В трех словах я могу суммировать все, что узнал о жизни: она все продолжается.)

Как представляется, это высказывание куда мудрее многих, если не всех так называемых позитивных, утвердительных или катафатических определений жизни. Заодно оно примечательно тем, что представляет собой не просто уход от ответа, но и указание на причину этого ухода. «Я не могу ничего сказать о жизни, кроме того, что она еще продолжается, потому что она еще продолжается». Так, наверное, можно развернуть реплику поэта.

В самом деле, чтобы обрести пределы и, соответственно, стать тем, чему можно дать определение, надо закончиться. Дающему определение жизни наблюдателю необходимо очутиться за ее пределами. Только тогда можно будет окинуть жизнь взглядом со стороны. Однако жизнь продолжается, то есть идешь по жизни, идешь, и никак за ее пределы не выйдешь.

Чтобы произвести дефиницию чего-либо, мы сперва его исчерпываем – проходим от начала и до конца, вдоль и поперек, охватывая весь его объем (если не ногами, то специальными приборами или мыслью). До тех пор, пока исчерпания не произошло, мы не в состоянии вынести вердикт, ответить на сакраментальный вопрос: «Что это?». К примеру, застав себя в тумане, мы можем начать двигаться в выбранном направлении, пока не выйдем туда, где тумана нет и, таким образом, обнаружить его как локализованное явление, от которого можно отстоять. Или, застав себя жарким летом, мы имеем перспективу дожидаться осени, начало которой станет концом лета, и, взглянув на одно время года из другого времени года, выявить его специфику.

Чем плохи вышеприведенные примеры, так это тем, что на самом деле можно более или менее определиться и с туманом, и с летом, даже находясь внутри первого и второго. Блуждая в тумане, мы тем не менее находимся снаружи его. Мы испытываем на себе его внешние эффекты, они воздействуют на нас извне и воздействуют на наши ориентированные вовне рецепторы. С жизнью же ситуация принципиально иная. Она и снаружи, и внутри нас.

Двигаясь внутри жизни, никогда не доходишь до ее края ни во времени, ни в пространстве. И это в том числе связано с тем, что нет никакого отделенного от жизни агента,двигающегося внутри нее. Сказать, что по жизни шагает сама жизнь, тоже будет некорректным, потому что таким заявлением жизнь раздваивается на шагающего и на дорогу, по которой он шагает. Однако сущностно жизнь едина-в-себе, и именно как у единого-в-себе у жизни нет предела.

«Она все продолжается», – говорит поэт. И я рискну добавить за него: жизнь продолжается в том числе и в меня, жизнь продолжается в том числе и во мне, жизнь продолжается в том числе и мною. В частности, поэтому нельзя сказать о ней чего-то большего, кроме того, что она «все продолжается».

Жизнь все продолжается, она не ограничена ни тем, что меня окружает, ни мной. Жизнь все продолжается, соответственно, у меня не получается и не получится стать ее субъектом, стать ее описателем, стать ее определителем. Мне от нее не открепиться, мне некуда от нее открепиться, поскольку «она все продолжается».

Даже если взять какой-нибудь малый объем – окружность диаметром сантиметр или миллиметр, минуту или секунду времени, то даже в этом малом объеме жизнь будет все продолжаться и продолжаться, она не будет им стеснена или заточена. Даже в секунде ее будет так много, что охватить ее не удастся. А нет охвата – нет дефиниции. Даже в секунде она будет столь полновесна и полнокровна, что ее пульсацию не получится ощутить как локализованную, наружную, инородную, «не мою», «тамошнюю». А раз так, то не получится и появиться тому, кто, ощутив эту пульсацию как тамошнюю, вознамерится с жизнью определиться. Нет определяющего (того, кто определяет) – нет и определяющей активности.

То же самое – если нет определяемого, в том числе если его нет в феноменальном, явленческом смысле. Именно такова жизнь – обнаружить ее как пребывающую вовне значит обнаружить что-то другое. А если и жизнь, то малокровную, куцую. На действительную, полноценную жизнь отзываются не расположением по отношению к ней на той или иной позиции, а чувством принадлежности к ней, точнее, внутренней к ней сопричастностью.

В этом смысле мне не вполне импонирует выражение «благоговение перед жизнью», столь популярное благодаря Альберту Швейцеру. Я понимаю, что имеется в виду, однако слово «перед» меня смущает. Жизнь – это приглашение присоединиться к ней. Если же продолжать оставаться в стороне, блюсти дистанцию, даже ради такого важного дела, как благоговение...

Одно из двух: либо благоговение перед жизнью – некий начальный импульс, а далее человек начинает ею – этой самой жизнью пропитываться, либо благоговение перед жизнью – способ избегания жизни. Дескать, да, я в стороне от жизни, но ради важной миссии – испытывать перед ней возвышенный трепет. Однако даже если выбрать первый вариант, сама формулировка продолжает выглядеть неадекватной тому, что ею описывается. Находиться перед чем-то означает не смешиваться с ним. Предлогом «перед» возводится своего рода барьер, «перед» – все равно что «напротив», «по ту сторону».

Жизнь все продолжается, поэтому ее не объять, ведь, как сказал Козьма Прутков, «никто не обнимет необъятное» (или, в более прижившейся версии, «нельзя объять необъятное»). Над этой литературной маской принято посмеиваться, дескать, недалекий Прутков самодовольно воспроизводит общие места, штампы, тривиальщину. Хотя сформулировал же нечто подобное Людвиг Витгенштейн: «О чем невозможно говорить, о том следует молчать». И никто не смеется, не ехидничает. Наоборот, слова философа служат поводом для многочисленных толкований и интерпретаций самого серьезного уровня.

Завершиться, закончиться не равняется прийти к законченности, обрести завершенность. Если, конечно, законченность и завершенность вообще таковы, что их обретают или к ним приходят. Нечто закончилось, то есть, другими словами, сменилось чем-то другим. В свою очередь, воплощать собой законченность, обладать окончательностью значит ничем уже не сменяться.

Законченность есть в том, что не требует дополнений и приложений, а не требоваться они могут лишь тому, в чем сосредоточено все и у чего, соответственно, нет границы. И раз у него нет границы, оно – все продолжается и продолжается. Только продолжается не в том смысле, как продолжается какая-то история, как развивается какой-нибудь сюжет. Нет, коль скоро имеет место завершенность, сюжетные линии пришли к своей развязке (если они вообще были).

Незаканчиваемость жизни, по-видимому, связана как раз с тем, что в ней есть завершенность и окончательность. Когда одно сменяется другим, то оно сменяется другим как тоже жизнью. Кончилась одна жизнь – началась другая. Получается, что событийность или исто-

ричность имеет здесь характер поверхностный, если не вообще мнимый. Меняются обертки, обличья жизни, от которых можно отвлечься, на которых можно не задерживаться. И тогда жизнь окажется тем, чем остановлено время, и что продолжается и продолжается в качестве неизменного, всегда себе равного.

«Наука очень плохо работает с объектами, которые существуют в единичном экземпляре», – признался как-то один физик. А что верно в отношении науки, то верно и применительно к нашим попыткам дать дефиниции. Жизнь (только не моя или ваша, а жизнь вообще) подобна штучному товару. Однако если со штучным товаром мы, пожалуй, все-таки способны более или менее разобраться, то скорее жизнь разберется с нами, нежели мы с ней.

За рамками интеллектуальной активности

То, что, по-видимому, составляет смысл нашей жизни или наше сбывание, происходит по ту сторону умственной деятельности. И это кое-что о ней сообщает.

В частности, сообщает о ее – умственной или интеллектуальной деятельности – куда более скромной роли, нежели ей отводится в просвещенных кругах.

В духе известного даосского изречения «говорящий не знает, а знающий не говорит» я сочинил собственную максиму: *«Созерцающий не думает, а думающий не созерцает».*

Наверное, имеет смысл несколько подробнее остановиться на том, что я вкладываю в понятие созерцания в данном конкретном случае.

Договоримся на время понимать под созерцанием восприятие (и не обязательно зрительное), когда воспринимающему от воспринимаемого ничего не надо. Это восприятие без следования каких-либо выгод, без того, что называется «блюсти свои интересы». Это восприятие, при котором воспринимающий над собой не довлеет, при котором он отвлечен не просто от своих дел, но и от самого себя (обратим внимание, насколько мы сцеплены с нашими нуждами и нашими заботами, раз отвлечение от них практически равно отвлечению от самого себя).

Как ни странно, оно случается. Казалось бы, у нас всегда есть интересы, которые нужно блюсти и отстаивать, однако же порой мы не просто смотрим, слушаем или ощущаем – мы созерцаем. И на самом деле неважно: это воспринимаемое таково, что смогло отвлечь нас от себя, или это мы, самозабвенно взглянув на что-то, вдруг начали его созерцать.

Слава Богу, мы, например, не железные, иногда устаем. И порой наша усталость не настолько сильна, чтобы свалиться и уснуть, однако достаточно сильна, чтобы перестать стоять на страже своих потребностей – перестать наподобие того, как, обессилев, перестают хлопотать и работать. В итоге мы просто смотрим, как пробегает рябь по водной глади, как пролетает клином птичья стая, как на окрестности опускаются вечерние сумерки. Либо просто слушаем – стрекот кузнечиков, потрескивание поленьев в печи, плеск волны...

Сказать, что при созерцании созерцающему от созерцаемого ничего (для себя) не надо, означает сказать «А». Другими словами, выдвинутый тезис явно половинчатый, и пора переходить к «Б».

Созерцать так, словно от созерцаемого нам ничего не надо, можно не все. Вернее, все-таки все, но этим «все» кое-что исключается. Созерцая, мы не созерцаем прикладное, служебное. Даже если мы будем созерцать метлу, лопату или другую полезную вещь, мы будем обращены к их неприкладной стороне, проходя как бы сквозь их прагматику.

Если мне как созерцающему ничего для себя не надо, то зачем моему взгляду задерживаться на том, что предлагает мне себя в качестве инструмента, орудия, средства, что сулит мне пользу и выгоду? Моим не взыскующим пользы вниманием завладевает наличествующее не извлечения из него пользы ради. Мне, просто так смотрящему и слушающему, открывается в-себе-сущее. То, что бытийствует тоже просто так, чистого бытия ради.

Созерцая, мы игнорируем всевозможные полезности и полезное как таковое. Другими словами, созерцая, мы созерцаем то, что нам не служит и даже вообще нас – как внеположных ему сущностей – не учитывает. Мы созерцаем безотносительное к нам, а по большому счету – безотносительное к чему бы то ни было.

У слова «безотносительное» есть синоним – слово «абсолютное», которое в свою очередь синонимично «совершенному», «полному», «самоценному». Как так получается, что ничему не служить и ничего не обслуживать – значит быть тем, что значимо само по себе? Ответ есть, и он довольно очевиден. Ненужного и бесполезного просто-напросто не было бы, не будь у него других оснований быть, кроме внешней востребованности. Коль скоро ненужное и бесполезное все-таки наличествует, то оно наличествует как воплощающее собой полноту и самоценность. Разумеется, я сейчас веду речь о другом, нежели сломанная утварь, которая может храниться годами, пока ее наконец не утилизируют. И, кстати, даже сломанный прибор остается средством, просто нуждающимся в починке, замене, переплавке и т. д.

Заявив, что созерцают безотносительное, я вплотную приблизился к еще одному революционному переходу. Дело в том, что созерцать безотносительное... невозможно. Ведь в созерцании при всей специфике этого занятия, которой я его наделил, по-прежнему много остается от восприятия, наблюдения. А что наблюдают, воспринимают и – далее – созерцают? Относительную сторону. То, каково нечто относительно наблюдателя.

Бытийствующее просто так бытийствует не для чего бы то ни было. В том числе не для того, чтобы за ним наблюдали, чтобы его созерцали, чтобы на него пялились. Говоря чуть иначе, оно не предполагает, не предусматривает какого-либо внешнего к себе внимания.

Казалось бы, из сказанного не следует, что мы не можем проявлять к тому, что есть просто так, это самое внешнее внимание. Мало ли, что оно там не предполагает и не предусматривает, нам-то что. Однако нельзя не признать, что если мы начнем проявлять к нему сторонний интерес, мы станем принимать его за нечто другое – не за то, что бытийствует просто так. Согласие с тем, что оно бытийствует просто так и не предусматривает какого-либо внешнего к себе внимания, проявится в незанимании, в незанятии по отношению к нему внешней позиции, что, в свою очередь, может выразиться лишь в одном – в присоединении к его бытию.

Вместо созерцания безотносительного, по сути, происходит другое: созерцающий образно говоря увязает в созерцаемом, затягивается, увлекается в него, в общем, перестает с ним различаться. Сказанное требует корректировки: созерцатель затягивается лишь в то, что оказывается неместимым в рамки созерцаемого – в рамки стороны (одной из сторон) созерцания. Созерцатель увлекается в мнимое созерцаемое, «вспыхивающее» чем-то неизмеримо большим – цельностью или полнотой бытия. И то, что есть просто так, как раз и оказывается таким бытием-в-своей-полноте – бытием, созерцать которое буквально неоткуда, поскольку невозможно, чтобы что-то было снаружи полноты, включая саму область «снаружи».

Как еще это выразить? Возможно, следующим образом: смотря и слушая просто так, человек настраивается на просто-так-сущее или просто-так-бытие, которое тут же раскрывается – никуда и никому – как единое и единственное, не знающее предела, все собой объемлющее и все с собой единящее, в том числе того, кто на него настроился. Хотя, наверное, это не мы настраиваемся на просто-так-бытие – это оно настраивает нас на себя. Просто-так-смотрение случается постольку, поскольку в поле нашего зрения попадает не очередной объект, а просто-так-бытие, на которое нельзя смотреть иначе как без какой-либо цели, да и то первое время, потому как далее – фактически мгновенно – просто-так-смотрение на просто-так-бытие выливается в приобщение к нему.

Впрочем, и с этим заходом можно поспорить, предложив, например, следующую альтернативу: смотря и слушая просто так, я в известном смысле не смотрю и не слушаю, я просто есмь, только в это «есмь» втягивается весь мир, превращаясь в «есмь» бытия как такового. Или это все же созерцатель вместе со всем миром вбирается в «есмь» того, что есть просто так, то бишь, в частности, не для того, чтобы обратить на себя чей-то взор или чей-то слух?

Не вижу принципиальной разницы между этими двумя версиями. И та, и другая – об одном и том же. Здесь верна любая точка отсчета, заход с любой стороны – особенно с учетом условности этих самых сторон в случае просто-так-наблюдения за просто-так-сущим.

Подведем промежуточные итоги. Заговорив о созерцании, я пришел к тому, что вместо созерцания кем-то чего-то происходит несоставное, неделимое, целостное бытие. В таком случае моя сформулированная в самом начале максима «созерцающий не думает, а думающий не созерцает» требует не просто коррекции, а замены. К примеру, более подобающей могла бы стать иная сентенция: *«Вовлекающийся в бытие как единство не думает, а думающий в бытие как единство не вовлекается»*. Или что-то в этом роде. Возможно, мне стоит переписать свою зарисовку, сразу поставив в начало более адекватное подражание Лао-цзы. Однако проделан довольно любопытный путь, не так ли? Полагаю, не обязательно все это перечеркивать, пусть останется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.